

* * *

Раннее утро, рассеянный свет,
пёрышко облака в небе полощется...

Август. И лета последняя треть
шляпкой грибною

под пальцами крошится.

Август. Но с севера первый косяк
с кличем томительным тянется медленно.
Голову вскинешь, стоишь, и в глазах
стынет вода уходящего времени.

Бабочки лёгкой прозрачная тень

сердца коснётся, душу баюкая...
Неумолимо сжимается день:
выйдешь к опушке — сгущаются сумерки.
Зыбкое августовское тепло —
зыбко под вечер, и ветер старается...
Едешь, и на ветровое стекло
жёлтый берёзовый лист осыпается...

Ну, да нескоро осыплются все —
дай Бог, достанет тепла и у осени.
И терпеливо стоит у шоссе
мальчик с ведёрком грибов,
но проносятся
мимо и август, и лето, и жизнь...
И, отчего-то смутившись, оглянешься,
но не вернёшься: кружи, не кружи —
август кончается, лето кончается...

* * *

На берегу пересыхающего озера
перебираю камни,
пересыпаю песок,
шевелю траву.
Забираюсь в камыши,
поднимаю ракушки,
разглядываю их,
как другие любят
драгоценностями.
Занимаюсь мелочами,
без которых мне не интересно жить.

Я не слежу за временем —
слежу за рябью на воде,
разглядывая полузатопленную корягу
так, будто в этом
секрет моей жизни.
Я поднимаю голову
к сумеречному небу,
выискивая в нём запоздалых птиц,
перья которых иногда лежат
у меня под ногами.
Удивительная способность —
жить на земле,
умея парить в воздухе.
Ветер шевелит пух
растрёпанного камыша,
и я понимаю зыбкую скоротечность
своего бытия на этой земле,
зыбкую неуверенность
в старательно придуманном будущем.

Стылая вода
шелестит у берега.
Это гимн моей жизни,
где самое прочное —
горсть ракушек на тёплой ладони
моей смешливой спутницы,
необычно тихой
на берегу пересыхающего озера.